

О ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНАЩЕННОСТИ АНТИЧНОЙ ЖЕЛЕЗОДОБЫЧИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Одним из направлений в изучении черной металлургии на территории Северного Причерноморья периода античной колонизации является исследование технических приспособлений, использовавшихся местными кузнецами и металлургами для добычи и обработки железа.

С одной стороны, определение конструктивных особенностей этих устройств имеет важное значение для характеристики уровня развития железодельного производства, с другой — определение признаков, позволяющих соотносить те или иные остатки металлургии с отдельными операциями добычи и обработки железа, является необходимым с точки зрения их интерпретации во время полевых и лабораторных исследований.

Изучение таких памятников античной металлургии и металлообработки, как зафиксированные на о. Березань, у с. Ивановка, в Тире и Ольвии, позволяют соотнести их с отдельными технологическими операциями и, таким образом, определить уровень технического обеспечения местного металлодобывающего и обрабатывающего ремесла, проследить его развитие от архаической до позднеримской эпохи.

S. V. Pankov

ON TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL EQUIPMENT OF ANTIQUE IRON OUTPUT IN THE NORTHERN BLACK SEA TERRITORY

The study of technical adjustments which were used by regional blacksmiths and metallurgists for output and working of iron is one of trends in the investigation of ferrous metal industry in the territory of the Northern Black Sea. Determination of design properties of the adjustments mentioned is very important for comprehension of the level of the ferrous metal industry. Identification of features which permit comparing certain findings of metallurgy with definite procedures of iron output and working is necessary for their interpretation in the course of field and laboratory researches.

Examination of such remains of antique metallurgy and metal working as those fixed in Berezan, Ivanovka, Thyra and Olbia permits comparing them with certain technological procedures and thus determining the level of technical equipment of the regional metal output and metal working and tracing its development from the archaic to the late Roman epoch.

ТИРА И ФРАКИЙСКИЕ ЦАРИ

С. Ю. Сапрыкин

Статья посвящена публикации фрагмента греческой надписи из Тиры, которая связана с возведением в этом полисе какой-то ордерной постройки одним из фракийских царей I в. до н. э. — I в. н. э. В статье рассматриваются причины тесных отношений тиритов с Фракийским царством и Римом.

Из раскопок античной Тиры 1982 г. происходит обломанный со всех сторон фрагмент мрамора высотой 0,36 м, на котором сохранились две строки греческого текста (рис. 1)¹. На камне читается следующий текст:

ΙΛΕΩΣΙ
ΥΙΟΣ ΤΗΙ

© С. Ю. САПРЫКИН, 1997

Рис. 1. Надпись фракийского царя Реметалка II из раскопок Тире.

Издатели документа определили его как посвящение сыном царя какого-то сооружения, датировав концом I в. до н. э. — первой половиной I в. н. э. По их мнению, в надписи речь должна идти об одном из представителей фракийского царствующего дома рубежа нашей эры. Никаких конкретных соображений и дополнений по поводу надписи авторы не дают. Между тем ряд обстоятельств конкретно-исторического порядка в совокупности с данными самой надписи позволяют, хотя и априорно, раскрыть суть памятника и показать его значение для истории Тире эпохи ранней Империи.

Мраморный фрагмент представляет собой нижний край дорийского архитрава от сооружения типа портика или храма. На подобные архитектурные детали по обыкновению наносились надписи посвятельного характера, собиравшие, кто поставил памятник, за что и по какому поводу. Иногда указывалось, кому посвящалось здание и за какие благодеяния. Примерами могут служить посвящение боспорскому царю Аспургу, сохранившееся на архитраве храма², а также архитрав с фризом храма Афродиты и надписью Аврелия Гермocrates, пожертвовавшего три тысячи денариев на его постройку, из Херсонеса³. Такие же архитектурные детали с надписями известны и в самой Тире⁴. Надписи на таких фрагментах ордерных построек имели обычно от двух до пяти строк, но чаще всего их количество не превышало трех. В доказательство можно привести дорийский архитрав святилища Птолемея, построенного в правление царя Птолемея III Еввергета в Гермополитанском номе на месте д. Ашмунейн (Египет) военными поселенцами — катойками, на который нанесена трехстрочная посвятельная надпись⁵. Наш обломок является нижней частью архитрава, а сохранившийся текст — серединой и окончанием надписи, как о том свидетельствует чистое пространство без следов букв под последней второй строкой (из видимых на камне, разумеется) надписи. Можно предполагать, что вверху утеряна одна, а внизу, возможно, также одна неполная строка греческого текста в несохранившейся левой части надписи. Однако более вероятно, что мы имеем остатки второй и третьей строк большой надписи, при том, что вторая строка из видимых на камне являлась последней третьей строкой всей надписи. Небольшое коли-

чество строк, монументальность шрифта, пустое пространство в нижней части документа, расположение слов в строках, подразумевающее довольно пространный текст, убедительно говорят о том, что плита действительно могла быть частью ордерной постройки. Не исключено, что архитрав состоял из нескольких мраморных блоков, соединенных друг с другом. В таком случае наш фрагмент мог быть крайним левым блоком дорического архитрава. Тогда основной текст располагался с правой стороны, а количество букв в строчках было весьма велико: на архитектурных деталях подобного рода их количество колебалось в пределах 50—80 букв в строке.

Сохранившиеся части текста и вычисленное количество строк показывают, что три первые строчки занимала титулатура какой-то царственной особы, которая была инициатором постановки памятника с надписью. На это указывают родительный падеж единственного числа *βασιλέως* и именительный падеж единственного числа *υἱός*. Титулатура лица, имя которого стояло в именительном падеже, должна была быть очень пространной с перечислением предков как минимум до второго колена и вместе с их титулами.

По шрифту надпись бесспорно датируется рубежом нашей эры или самым началом I в. В Причерноморье в это время носителями таких длинных титулатур являлись только боспорские и фракийские цари, которые имели римские личные и родовые имена соответственно Тибериев Юлиев и Гаев Юлиев. Ни правившие на рубеже нашей эры понтийские цари Полемон I и Пифодорида, ни каппадокийские властители, включая Архелая, последнего супруга Пифодориды, не имели столь пышных титулатур⁶. Видеть в означенной надписи титулатуру кого-либо из царей Боспора невозможно по той причине, что в их титуле после традиционного *φιλόκαισαρ καὶ φιλοράμιαιος* обыкновенно стояло *εὐσηβής*⁷, а этого на нашем камне нет, так как и места для этого слова на нем не имеется. К тому же боспорские цари в своей титулатуре не указывали никаких предков, кроме отцов⁸, за исключением одной Динамии, которая торжественно сообщала, что она дочь Фарнака II и внука Митридата VI Евпатора. Но к ней наша надпись отнесена быть не может, поскольку в ней отчетливо читается *υἱός*.

Царь Боспора Аспург, сын Динамии, не мог быть тем правителем, который поставил в Тире храм или портик, от которого происходит надпись. Этот царь, хотя и не включал в свою титулатуру *εὐσηβής*, но указывал там царствование над племенами, от чего его титулатура не укладывается в лакуны между сохранившимися словами. Поэтому следует согласиться с предположением П. О. Карышковского и И. Б. Клеймана, что скорее всего мы имеем дело с одним из членов царского дома Гаев Юлиев из Фракии. На это намекает и географическая близость Тире к их царству.

Несмотря на то, что первоиздатели надписи воздержались от определения имени этого правителя, сославшись на фрагментарность документа, есть основания попытаться восстановить его имя в утраченных частях памятника. При этом необходимо принять во внимание три важных момента: вертикальную гасту начальной буквы имени царя после слова *βασιλέως*, что может дать нам имя отца или деда царя, имевшего в титулатуре слово «сын»; окончание этого слова в именительном падеже, свидетельствующее о том, что постановщик надписи был царем с очень пространной титулатурой; предполагаемую сложность титула с указанием генеалогии и происхождения от предков, как это было принято во фракийском царском доме.

Если начать поиски в кругу представителей сапейского правящего дома рубежа нашей эры, то легко установить, что в означенное время престол Фракии занимали следующие правители: Котис VII (42—31 гг. до н. э.), его сын или внук Рескупорид II (умер в 11 г. до н. э.), сыновья или братья Котиса VII (мнения здесь разделились, главным образом, между Р.Салливаном и М.Тачевой) — Реметалк I (31—11 гг. до н. э. как династ и опекун детей Котиса VII, своего брата, 11 г. до н. э. — 13 г. н. э. как царь) и Рескупорид III (династ, 13—19 г., сын Реметалка I Котис VIII (III) (13—19 гг.), сын Рескупориды III Реметалк II (19—26 гг. — династ, 26—38 гг. — царь), сын Котиса VIII Реметалк III (19—26 гг. под опекой римских ставленников, 38—46 гг. — царь)⁹.

Вертикальная гаста начальной буквы имени царя в строке 1 могла принадлежать следующим буквам: К, Р, М, П, I, Г, из которых лишь первые две встречаются в именах царей сапейской династии — Котис, Реметалк, Рескупорид, Раск. Принимая во внимание, что строка 1 не была начальной и каждая строка растягивалась вправо на 50—60 букв, следует предположить, что выражение [βασι]λέως К... или Р... относилось не к имени отца человека, поставившего надпись, а к его делу. Это позволяет сузить поисковый круг имен для определения личного имени правителя, стоящего в именительном падеже, так как надо исходить из предположения, что его дедом мог быть только царь, который имел личное имя Реметалк, Рескупорид или Котис.

Решающим аргументом для правильной атрибуции имени царя является пространная титулатура, которая появляется у фракийских властителей только со времени правления династа, а затем царя, Реметалка II¹⁰. До этого все цари упоминались в надписях в обычной последовательности: «царь такой-то, сын царя такого-то», как, например, в двух надписях из Афин: *ὁ δῆμος βασιλέα Κοῦττον βασιλέως Φαιακούποριδος; βασιλέα Φαιακούποριν Κόττων*¹¹.

Если предположить, что тиритская надпись поставлена Котисом VIII (III), то невероятно, чтобы имя его деда в строке 1 читалось как [βασι]λέως Κ [όττων υἱωνού], так как в настоящее время выдвинуто обоснованное предположение, что царь Котис VII (II), которого ранее вслед за Х. Дессау считали отцом Реметалка¹², на самом деле был его старшим братом и соответственно дядей Котиса VIII (III). А дедом этого Котиса был, таким образом, царь Рескупорид I (48—42 гг. до н. э.)¹³. Если допустить, что в строке 1 скрывались имя и титул последнего¹⁴, то увязать их с титулатурой его внука Котиса VIII (III) никак невозможно, поскольку она никогда не включала указания, что он внук такого-то по линии отца¹⁵. А значит нельзя предполагать, что Котис VIII (III) был инициатором возведения в Тире какой-то мемориальной постройки дорийского ордера с надписью.

То же самое можно сказать и в отношении Рескупорида II и Реметалка I. Первый из них умер в 11 г. до н. э. и, по всей видимости, царем не был, так как после смерти его отца Котиса VII (II) опекуном детей, в том числе и Рескупорида, стал Реметалк I, их дядя¹⁶. После убийства в 11 г. до н. э. этого Рескупорида бессами, Реметалк I получил титул царя всей Фракии¹⁷. Обладательство Тире Рескупоридом в этой связи маловероятно, тем более, что Рескупорид II вряд ли имел пространную титулатуру. Что до Реметалка I, то и он не имел пышного титула. Предполагать его имя в тиритской надписи не представляется возможным еще и потому, что он внук Котиса VI (I) Сапея, который, согласно афинской надписи¹⁸, не имел царского титула¹⁹. Между тем, как отмечалось, в строке 1 надписи из Тире читается титул и имя деда, не оставляющие сомнений, что это был именно царь — [βασι]λέως Ρ.... Поэтому круг поиска имени автора нашей надписи становится еще более узким: Рескупорид III, Реметалк II и Реметалк III.

Рескупорид III (иногда встречается его обозначение как Рескупорида II), брат Реметалка I и отец Реметалка II, никогда не имел царского титула²⁰. Он управлял только северной половиной Фракии, в то время как его племянник Котис VIII (III) южной ее частью. Поэтому сомнительно, что он мог иметь столь пространную титулатуру, особенно, если учесть, что в 19 г. он выступил против политико-административного деления страны в том виде, в каком это было установлено Римом, поступив, таким образом, вопреки римским интересам²¹. Как брат Реметалка I Рескупорид III не мог именоваться «внуком царя Котиса», как это предполагает строка 1 тиритской надписи, ибо являлся внуком по отцу Котиса VI (I), не имевшего титула царя. Таким образом, из всех фракийских царей, которые могли бы поставить портик или храм в Тире, остаются только двое — Реметалк III, сын Котиса VIII (III) и Антонии Трифены, внук Полемона I и Пифодориды Старшей²² и его двоюродный брат Реметалк II.

В 38 г. Реметалк III получил право занять престол Фракии по распоряжению императора Калигулы, своего друга и совоспитанника, поэтому всегда придерживался в политике проримских и филэллинских симпатий²³. Он уч-

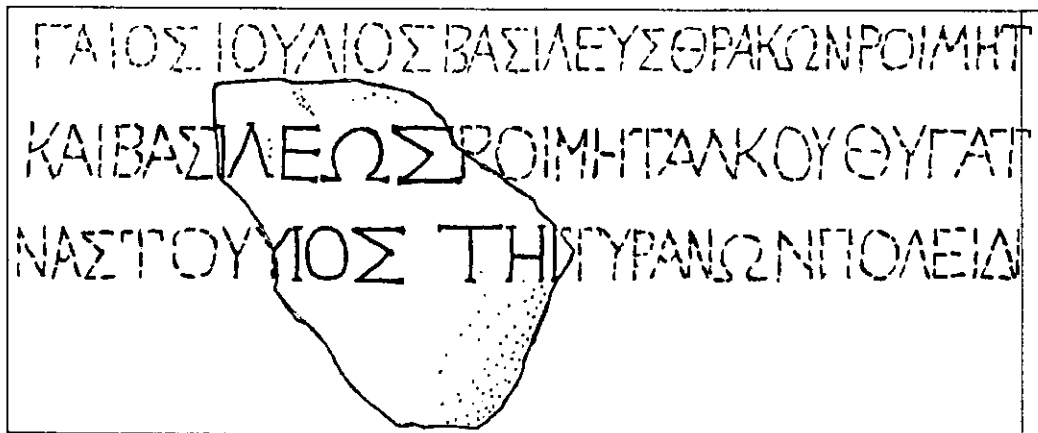

Рис. 2. Прорисовка

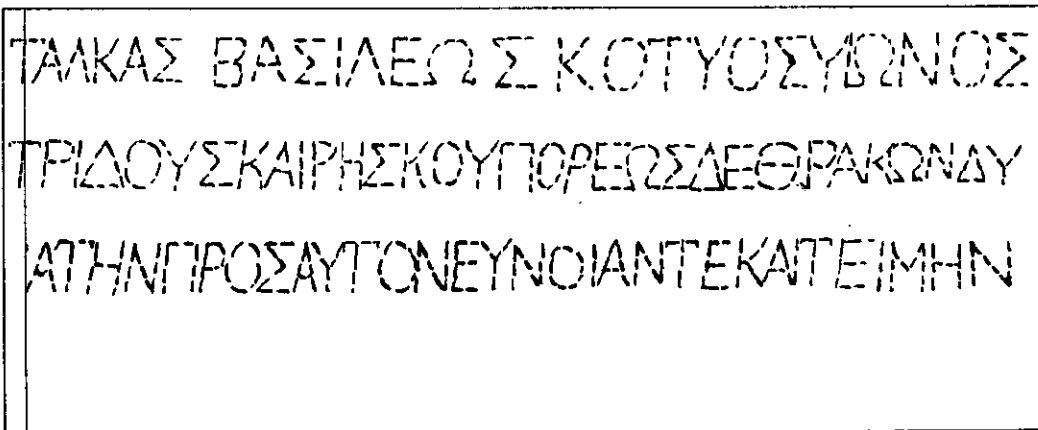
редил культ Афродиты Друзиллы в Кизике, почтив тем сестру императора, совершал благодеяния хиосцам, афинянам, амфипольцам, гражданам Маронии и Неаполя Фракийского²⁴. За это ему везде посвящали надписи, ставили изображения. Однако предполагать Реметалка III в качестве автора посвященной надписи из Тире нет оснований. Все его надписи не содержат столь пространной титулатуры, которая вычитывается в тиритской надписи. Он единственный из всех фракийских царей, кто имел эпитет «друг цезаря»²⁵ (*φιλόκαισαρ*). Титулатура этого царя обычно отличалась краткостью: *βασιλεὺς Θρακῶν* ‘*Ροιμητάλκης Κότνος υἱός*’²⁶. На этом основании Г. Гаджеро предполагает, что Котис III не имел царского титула и правил в качестве династа, подобно его дяде Рескупориду III²⁷. Только в посвященной надписи из Аполлонии Понтийской²⁸, которую мы вслед за Е. Калинкой, считаем поставленной за Реметалка III и его сестру (а не жену, как считали ранее) Пифодориду Младшую²⁹, в титулатуре царя указано, что он внук по отцу царя Реметалка I. Однако, в этом случае в родословной этого последнего фракийского царя отсутствует слово *υἱός*, которое, наоборот, присутствует на камне из Тире. Если же рассматривать [*βασιλέως*... в строке 1 как титул отца Реметалка III, то это не согласуется с данными большинства надписей, где Котис III (VIII) почти всегда упомянут без титула. Поэтому мы полагаем, что в посвящении из Тире никаких указаний на царя Реметалка III нет, а говорилось о царе или династе Реметалке II.

Титулатура последнего в полном виде выглядела следующим образом: *βασιλεύοντος Θρακῶν* ‘*Ροιμητάλκου βασιλέως Κότνος υἱώνος καὶ βασιλέως* ‘*Ροιμητάλκου θυγατρίδος καὶ* ‘*Ῥησκοупόρεως δὲ Θρακῶν δυνάστου υἱός*’³⁰. В посвящении Аполлония, сына Ептайкента, из Бизы Реметалк II при таком же пространном титуле и родословной именуется *Θρακῶν δυνάστου*³¹. Это была дань традиции, поскольку его отец Рескупорид III (или Рескупорид II, согласно мнению М. Тачевой, которая считала его сыном царя Котиса VII (II), правил в качестве династа. Только после Койлалетской войны (восстания против Рима фракийских племен одриссов, койлалетов и диев) между 21 и 26 гг. Реметалк II стал официально титуловаться царем³². Поэтому мы предлагаем следующую реконструкцию надписи из Тире (рис. 2):

(1) [*Γαῖος* ‘*Ιουλιος βασιλεὺς Θρακῶν* ‘*Ροιμητάλκας βασιλέως Κότνος υἱώνος* 1 (2) *καὶ βασιλέως* ‘*Ροιμητάλκου θυγατρίδος καὶ* ‘*Ῥησκοупόρεως δὲ Θρακῶν δυνάστου*] *υἱός τῆς* [*Τυρανῶν πόλει διὰ τὴν πρὸς αὐτὸν ἐθνικίαν τε καὶ τιμῆν*].

Перевод: (Гай Юлий, царь фракийцев Реметалк, внук по отцу царя Котиса и внук по матери) царя Реметалка (и) сын (династа фракийцев Рескупорида, полису тиритов за расположение и почет к нему).

Царь Реметалк II был сыном династа Рескупорида III, как считали ранее, женатого на дочери своего брата Реметалка I. Однако согласно выводам М. Тачевой, это династ Рескупорид II, умерший в 11 г. до н. э. сын Котиса VII (II), женатый на дочери царя Реметалка I (в то время еще династа),

надписи из Тира.

своего дяди, т. е. на своей двоюродной сестре. Таким образом, матерью царя Реметалка II была родная дочь Реметалка I³³, ставшего царем при Августе и с его, надо думать, благословения, отчего сам Реметалк II, став царем, получил право прибавить к своему царскому имени римские личное и родовое имена Гай Юлий.

Конъектура в строке 2(3) находит параллель в ряде тиритских надписей римского времени, например: *δήμῳ Τυρανῶν*; *Τυρα [ῶν πόλις] [...ταῖς] ἀρχαῖς τ[ῶν Τυρανῶν]*, а также в легендах на монетах города³⁴. Окончание строки читаем в соответствии с посвянительной надписью Реметалка III в числе прочих династов из Амфиποля³⁵, которая является стандартной для надписей такого рода³⁶. Впрочем здесь возможны и другие варианты реконструкции, в частности, *τῆι* [*Μητρί Φρυγίαι ἀνέθηκεν*]; *τῆν* [*ἐξέδραν... ἐκ θεμελίων ἀνήγειρεν*]. Однако вертикальная госта от *йоты* или *ню* стоит почти вплотную к букве *эта*. Данное обстоятельство позволяет считать, что здесь читался артикль в дательном падеже единственного числа женского рода *τῆι* с *iota adscriptum*, весьма характерный для надписей I в. Столь узкое пространство между *йотой* и другими буквами вообще свойственно монументальным надписям типа посвящений на алтарях, базах, архитравах и прочих архитектурных деталях. Поэтому в качестве одного из возможных вариантов восстановления окончания строки 2(3) мы предлагаем *τῆι* [*Τυρανῶν πόλει...*]. Теперь остается выяснить, каковы могли быть причины и обстоятельства благоденствия Тира в отношении фракийского царя Реметалка II и его ответного жеста городу и его гражданам.

В 29—27 гг. до н. э. римляне организовали военную экспедицию во главе с Марком Лицинием Крассом против фракийских племен, после чего разделили территорию Мезии. Греческие города Левобережного Понта формально вошли в состав провинции Македония, западная часть Мезии отошла под управление Рима, а восточная от Димум до Добруджи — под власть вассальных Риму фракийских царей³⁷. Те активно помогали римлянам в войнах против бессов в 16—11 гг. до н. э., даков, бастарнов и скифов³⁸. В 6—9 гг. вспыхнуло панноно-далматинское восстание и цари Фракии вновь оказали помощь Риму, приняв участие в его подавлении³⁹. Естественно, что Тира, расположенная в устье Днестра, не могла не следить за тем, как развивались события у соседних с нею племен Нижнего Подунавья. В 15 г. была создана провинция Мезия, которая вошла в состав единого административно-территориального образования из трех провинций вместе с Македонией и Ахайей⁴⁰. Греческие города Малой Скифии и Добруджи были отданы римлянам под протекторат фракийских царей сапейско-одрисской династии, которым принадлежали и полисы фракийского побережья⁴¹. До нашего времени дошел фрагмент рескрипта римского императора или его заместника, в котором говорится, что в ответ на просьбу граждан Истрии им как будто бы давалось право либо собирать налоги на какой-то части прибрежной территории, либо они вообще

освобождались от пошлин. Налоги с территории по берегу Дуная должны были поступать в казну царя Реметалка⁴². Из надписи не ясно, какой царь Реметалк имеется здесь в виду. Часть исследователей считает, что в надписи назван Реметалк I, на основании чего им делается вывод, что греческие города Западного Причерноморья могли в течение некоторого времени входить в состав Фракийского царства, а затем были освобождены Римом от пошлин⁴³. Другие полагают, что эллинские полисы с самого начала составляли особый податный округ, подчинявшийся проконсулу Македонии до 44 г., после чего он попал под управление легата провинции Мезия. Греческие города, по их мнению, не входили во Фракийское царство, а имели с ним тесные связи⁴⁴. Думается, однако, что греческие города все же на какое-то время попали под власть фракийских царей сапейско-одрисской династии.

Когда в 11 г. до н. э. Реметалк I получил царский титул, его влияние в городах Добруджи и Фракии значительно усилилось⁴⁵. В районе мыса Калиакра была обнаружена надпись — посвящение за царя Реметалка I Фарсала, сына Бифия, стратега окрестных территорий⁴⁶, а из Аполлонии Понтийской происходит посвящение Аполлону Врачу за его внука Реметалка III и внуку Пифодориду Младшую, сестру названного Реметалка⁴⁷. В окрестностях Анхиала найдено посвящение Аполлония, сына Ептайкента, стратега Бизы, за царя Реметалка II⁴⁸. В начале I в. в Каллатисе жил и воспитывался будущий фракийский царь Котис VIII (III), который одно время замещал в этом городе сакральную должность царя-басилевса (жреца)⁴⁹. Поэтому прав Т. Саучук-Савеану, который указывал, что фракийские цари фактически контролировали города побережья, поскольку те стремились к тесным отношениям с царями перед лицом постоянной угрозы вторжения варваров⁵⁰. Отмеченная выше надпись из Истрии относится, очевидно, к тому времени, когда римляне попытались немного смягчить зависимость греческих полисов Добруджи от Фракийского царства, освободив их от уплаты пошлин Реметалку I, что расширило их права автономии. Отношения городов и фракийских царей строились на правах симмахии, когда формально греки подчинялись власти царей, а на деле сохраняли самоуправление. Политические отношения городов и фракийских царей могли быть тождественны взаимоотношениям Херсонеса Таврического и царей Боспорского государства.

Тира, постепенно восстанавливавшая свой потенциал, но не достигшая еще былого могущества, находилась под угрозой вторжений гетов (даков), бастарнов и скифов⁵¹, т. е. тех варваров, которые на рубеже н. э. больше всего тревожили римлян и союзных им фракийских царей. В такой ситуации желание тиритов установить тесные связи с правителями Фракии, как это сделали другие города Западного Причерноморья, представлялось вполне естественным. Ведь в этом случае открывалась возможность войти в большее доверие к Риму, а это было важно для города, залечивавшего раны после гетского разгрома. Нельзя исключать и того, что Тира также могла под эгидой Рима заключить союз — симмахию с фракийскими царями.

Любопытно, что в Тире неоднократно находили монеты последних царей сапейской династии. Это серебряная драхма, выпущенная в Византии в годы правления Реметалка I, около десяти монет Реметалка II и подражания им. В городе в обращении находились тетрадрахмы Византия посмертной лиси-маховской чеканки с надчеканкой, которая ставилась на монеты после превращения Фракии в римскую провинцию в 46 г. Они попали в Тиру в конце 40-х гг. при императоре Клавдии и были надчеканены тирасским клеймом ΤΥΡ. Интересно, что другое тирасское клеймо — овалный штемпель с изображением безбородой мужской головы в венке — засвидетельствовано на монетах фракийского царя Реметалка III, которые обращались в Тире. Это клеймо повторяло тип тирасских монет с изображением персонифицированного римского Сената и легендой ΤΥΡΑΝΩΝ и ΙΕΡΑΣ ΣΥΝΚΛΑΝΤΟΥ, датированных временем Нерона (54—59 гг.)⁵². Поскольку изображение римского Сената наносилось в виде надчеканки на монеты Реметалка II, то можно заключить, что монеты этого царя попали в Тиру не случайно, а находились там в регулярном обращении даже после смерти этого правителя в 38 г. Это означает, что город мог иметь с фракийским царством не только тесные эко-

номические, но и политические связи. Поэтому благодеяние Тиры по отношению к Реметалку II вполне могло иметь место, как могло иметь место и возведение фракийским царем какого-то общественного сооружения, чтобы увековечить союз с полисом в устье Днестра. Таким образом, Тира попала в сферу влияния, а может быть и под протекторат фракийских царей в те годы, когда они контролировали побережье вплоть до Нижнего Подунавья. Все это, естественно, делалось с благословения римлян.

Когда в 44 г. Клавдий образовал самостоятельную провинцию Мезию, а в 46 г. — Фракию, греческие города на побережье составили особый округ *portorium Ripae Thraciae*, подчинившийся легату провинции Мезия. Полисы к югу от Гема попали под управление наместника провинции Фракия. В это время Тира, по всей видимости, сохраняла статус свободного и союзного города. В конце правления Клавдия на римские монеты этого императора, а также на сестерции Агриппины Старшей и ассы Августа ставилась городская надчеканка ТУР. Затем была выпущена монета с изображением римского Сената, а на медь Реметалка II, сохранившуюся еще в обращении со времени симмахии с Фракией, нанесены надчеканки. При Флавиях уже появляются монеты с портретом императора, что призвано было отразить включение Тиры в римскую провинцию Мезия. Около 57 г. город начал новое летосчисление, отразившее изменение его статуса⁵³. Сопоставим эти факты, чтобы определить положение города после того, как в 46 г. с превращением Фракии в провинцию империи прекратилась симмахия с фракийскими царями.

П. О. Карышковский и И. Б. Клейман предположили, что принятие Тирой нового летосчисления в 57 г. могло быть связано с вступлением Тиберия Плавтия Сильвана Элиана в должность легата провинции Мезия, что ознаменовалось установлением в городе римской власти⁵⁴. Это, однако, спорно; во-первых, потому, что в указанное время в нумизматике Тиры отчетливо видны тенденции автономного чекана вплоть до правления императора Веспасиана, во-вторых, введение в греческом городе новой эры в связи с вступлением в должность легата провинции — факт беспрецедентный, а в-третьих, знаменательно и не случайно совпадение начала эры в Тире и летосчисления в Ольвии с эрой сарматского царя Фарзою⁵⁵. Введение в греческих городах в период империи собственных эр, как правило, являлось результатом изменения их политико-административного статуса, что чаще всего выражалось во включении их в состав той или иной провинции вместе с предоставлением им относительной политической свободы и самоуправления. Например, в Малой Азии начало эры города Неаполя-Фаземона (Андропы-Неоклавдиополя) относится к 6/5 г. до н. э., когда Август отобрал город у династов внутренних районов Пафлагонии и присоединил вместе с окрестной территорией к римской провинции Галатский Понт; соседние города Амасия и Себастополис начинали городскую эру с 3 г. до н. э., когда также вошли в состав означенной римской провинции⁵⁶, сохранив при этом собственные органы управления. И Комана Понтийская начала новое летосчисление в 34/35 г., после того как стала называться Иероцезареей и была включена в ту же провинцию. Иногда эры в греческих полисах начинались с года освобождения от власти монархов, например, «помпеянская эра», введенная в ряде городов бывшего Понтийского царства тотчас после их освобождения от власти Митридата Евпатора Помпеем в 64/63 г. до н. э. и включения в состав новой провинции Вифиния Понт или в состав территорий, зависимых от него царей⁵⁷.

Введение в Тире, Ольвии и царем Фарзоем нового счета годов совпадает по времени с деятельностью легата Мезии Тиберия Плавтия Сильвана. Одним из первых важных мероприятий этого римского наместника после вступления в должность в 56 г. стало умиротворение бастарнов, сарматов и даков, живших за Дунаем. Ему удалось принудить к покорности и склонить к переговорам вождей и царей роксоланов, одного из трех основных племенных союзов сармат Северного Причерноморья. Эти меры помогли римлянам создать прочный тыл, поскольку они готовились в скором времени выступить против скифов и установить господство в Таврике, что и было воплощено в жизнь Плавтием Сильваном между 63 и 66 гг.⁵⁸. Следуя традиционной рим-

ской политике опоры на эллинские города Западного Причерноморья, легат Мезии предпринял ряд шагов и по нормализации отношений с окружающими их варварами. Обезопасив границы своей провинции от их вторжений и смягчив этим варварскую угрозу греческим городам Малой Скифии, Добруджи и, вероятно, Северо-Западного Причерноморья, прежде всего, Ольвии и Тире, Плавтий Сильван признал свободный статус этих полисов: он гарантировал им право *πάτριος πολιτεία*, размеры их границ, римскую опеку, налогообложение и т. д. Это следует из переписки Плавтия Сильвана с истрийцами, где он обещает им соблюдать все их права и привилегии⁵⁹. Не исключено, что означенные благодеяния римлян почувствовали на себе и жители Тире и Ольвии. Последующая акция Плавтия Сильвана по освобождению Херсонеса Таврического от варварской угрозы была продолжением той политики, которую проводил легат на северных границах своей провинции и в Северо-Западном Причерноморье.

Однако римляне пока не имели возможности включить города Северо-Западного Причерноморья в состав провинции Мезия. Поэтому Тиберию Плавтию Сильвану Элиану пришлось подтвердить независимость этих полисов через признание их симмахии с царем сарматского племени аорсов Фарзоем, усилившимся в этом районе после ослабления другого сарматского племени роксолан в результате успешных действий против них римлян. О создании в этом районе в середине — третьей четверти I в. большого политического объединения сармат во главе с аорсами в настоящее время имеется все большее количество данных. К сожалению, интерпретация отдельными исследователями взаимоотношений римлян, Ольвии, Тире с сарматскими царями Фарзоем и Инисмеотом, не всегда верна. Признавая установление верховной власти этих царей над Ольвией с ее добровольного согласия при условии сохранения полисных органов управления, т. е. фактически полисного самоуправления, одни видят в этом стремление греков с помощью варваров сохранить независимость от Рима, отрицая, таким образом, какую-либо роль империи в установлении этих протекторатных отношений⁶⁰. Другие же, напротив, чрезмерно преувеличивают роль Рима, который, по их мнению, усилиями Плавтия Сильвана на время освободил ольвиополитов от власти Фарзоя⁶¹. Последняя точка зрения, отстаиваемая М. Б. Щукиным, получила недавно убедительную критику со стороны А. В. Симоненко и Б. И. Лобая. Соглашаясь с названными авторами в том, что Фарзой и Инисмей номинально управляли ольвиополитами, мы не можем согласиться с тем, что союз с сарматами был чуть ли не средством от агрессивных поползновений римлян в отношении независимости Ольвии. Основной аргумент этих авторов заключается в том, что Ольвия в I в., особенно во время римско-боспорской войны 41—45 гг. была настроена антиримски и поддержала мятежного Митридата III, наградив его венком, о чем будто бы свидетельствует известная ольвийская надпись⁶². Однако, она не имеет никакого отношения к боспоро-римской войне, так как датируется значительно более поздним временем⁶³. К тому же некоторое влияние монетного дела римлян на раннюю чеканку царя Фарзоя, отмеченное П. О. Карышковским, говорит о том, что отношения между сарматами-аорсами и римлянами в середине — третьей четверти I в. могли быть вполне лояльными, тем более, что в ходе упомянутого боспоро-римского конфликта аорсы выступали на стороне римлян. Поэтому мы полагаем, что в 50—60-е гг. цари Фарзой и Инисмей могли проводить угодную римским властям политику, а потому чекан Фарзоем собственной монеты в одном из греческих городов Северо-Западного Причерноморья не мог иметь места без определенного воздействия со стороны империи. Полисы же в ознаменование признания их прав самоуправления и автономии со стороны Рима и сарматского царя приняли свою эру, совпавшую с эрой Фарзоя, также признанного Римом в качестве самостоятельного правителя⁶⁴. Укрепляя союз с сарматами и городами и санкционируя протекторат первых над вторыми, римляне «убивали сразу двух зайцев»: они привлекали сарматов и города на свою сторону, готовя почву для последующего включения областей за Дунаем в состав своих владений. Их политика по отношению к Тире и Ольвии после создания провинций Мезия и Фракия была продолжением той, которую римляне осуществляли в

западно-понтийских полисах и Фракийском царстве. Как и во Фракии, ее целью было связать местных царей с греческими городами путем союза-симмахии, но под своей опекой, а затем превратить клиентное или вассальное государство в римскую провинцию с сохранением самоуправления греческих городов.

Тира, следуя после гетского розгрома в фарватере римской политики, оказалась поначалу в союзе с фракийскими царями, в результате чего появилось какое-то сооружение типа портика или храма, выстроенное от имени фракийского царя Реметалка II. После превращения Фракии в римскую провинцию и создания самостоятельной провинции Мезия Тира была поставлена в аналогичное положение, но уже в союзе с царем аорсов Фарзоом, римским клиентным правителем. Однако во всех этих случаях сам Рим и с его подсказки вассальные цари фракийцев и сармат признавали за Тирой ее собственные органы управления и государственное устройство.

Примечания

¹ Карышковский П. О., Клейман И. Б. Древний город Тира.— К., 1985.— С. 88.— Рис. 30.

² Блаватский В. Д. Новые данные о строительстве Пантикапея // СА.— 1953.— XVII.— С. 175, 176; КБН, 39.

³ *IOsPE*, I². 440; ср.: Пичикян И. Р. Малая Азия — Северное Причерноморье.— М., 1984.— С. 249.— Рис. 93.

⁴ Античная Тира и средневековый Белгород.— К., 1979.— С. 77.— Рис. 1.

⁵ Wace A., Megaw A., Skea I. Hermopolis Magna, Ashmunein. The Ptolemaic Sanctuary and the Basilika.— Alexandria, 1959.— P. 4.— Pl. 10.

⁶ О титулатуре Пифодориды и Полемона II см.: *JGR* IV. 1407—OGIS.— 377 (Смирна); *IG*, II². 348 (Афины); ср.: Орешиников А. В. Пифодорида и ее род в Понтийском царстве // ИТУАК.— 1902.— № 34.— С. 8 сл.; ср. также: *IOsPE*, I². 704 (Херсонес Таврический), где сохранилась титулатура Полемона I; см.: Barrett A. Polemo II of Pontus and M. Antonius Polemo // *Historia*.— 1978.— Vol. XXVII/3.— P. 439 *suiv.*

⁷ Ср.: КБН, 73; 1134; 1135 и др.

⁸ КБН, 958, 1259.

⁹ О стеммах царей Фракии сапейской династии см.: Lenk B. Thrake // *RE*.— 1936.— Bd. VI A 1, Reiche 2.— S. 445, 446; Sullivan R. Thrace in the Eastern Dynastic Network // *ANRW*.— 1979.— Bd. II, 7.— S. 194; Tacheva M. On the Genealogy of the Last Kings of Thracia (100 B. C.— 45 A.D.) // *TAB*. 1985.— Vol. II.— P. 416 *suiv.*

¹⁰ Огненова Л., Лазаров М. Нов надпис на стратега Аполлоний Ептайкент // *ИАИ*.— 1962.— Т. XXV.— С. 197—203.

¹¹ *IG* II², 3443; 3442.

¹² Dessau H. *Ephemeris Epigraphica*.— 1903—1904.— V. IX.— Fasc. 4.— P. 6, 91—704; Sullivan R. *Op. cit.*— P. 197.

¹³ Эту точку зрения впервые выдвинул В. Страцзулла (*Strazzulla V. La serie dei re odrissii dal 200 a. c. al. 46. d. c.* // *Bessarione*.— 1901—1902.— Anno 6. Ser. 2.— Vol. I.— P. 162), а недавно обосновала М. Тачева (*Tacheva M. Op. cit.*— P. 416).

¹⁴ Ср.: *IG* II², 3442, 3443, *ABSA* 1905—1906.— Vol. XII, 178—Dessau, 70—*ANRW*, II, 1. P, 196—*IGBI*².— P. 98.

¹⁵ *Strazzulla V. Op. cit.*— P. 164, 165; Gaggero G. Nouvelles considerations sur les dynastes du Ier siecle de n. ere // *Pulpudeva*.— 1980.— Vol. III.— P. 310, 311.

¹⁶ *Cass. Dio*. LIV, 20; LIV, 34, 5.

¹⁷ *IGB* I², 12; *AM*, 1912.— Bd. 37.— S. 180; *Cass. Dio*. LV, 30; *Plut. Mor.* 207 A.

¹⁸ *IG*, II². 3442.

¹⁹ Sullivan R. *Op. cit.*— P. 194, 195.

²⁰ Только у Тацита (*Tac. Ann.* II, 65) и в надписи Марка Аккулея (*BSCH*, 1932.— Vol. LVI.— P. 203; *ANRW* II, 7, 1.— S. 201 = *RPH*, 1974.— Vol. 48, 2.— P. 215) Рескупорид III именуется царем (гех), но это была дань традиции или простое подтверждение того, что в латинском языке нет особого различия между значением греческого слова «династ» и латинских терминов *regulus* — *гех*.

²¹ *Tac. Ann.* II, 66, 67.

²² *Strabo* XII, 3, 29; *Tac. Ann.* III, 38; *JGR* IV, 447; *Syll*³ 798, 799.

- ²³ Данов Х. Траки.— София, 1982.— С. 152.
- ²⁴ Gaggero G. Op. cit.— P. 310—312; Sullivan R. Op. cit.— P. 210; Strazzula V. Op. cit.— P. 300, 301; Michailov G. Les inscriptions comme source de l'histoire des états Thraces // Pulpudeva.— 1983.— Vol. IV.— P. 26.
- ²⁵ IEG III. 2, № 498; XVII, № 381; XXV, № 714.
- ²⁶ См.: *Thrakika* IV, 1934 — Pulpudeva, 1980.— Vol. III.— P. 310; (Кавалла) — IGR I. 829 — Robert L. Hellenica // RPh, 1939, 13.— P. 151 — Pulpudeva III.— P. 311 (Маронея); IGR IV, 147 // ВДИ.— 1939.— № 3.— С. 274.— № 48 (Кизик); *Syll.*³ 798; 789 — ВДИ, 1939.— № 3.— С. 2.— № 46, 47 (Кизик); АЕМ 1937.— № 168 — Thracia VI.— P. 305 — ANRW 11, 7.— S. 210 (Неаполь).
- ²⁷ Gaggero G. Op. cit.— P. 309—311; Ср.: Robert L. Les inscriptions de Thessalonique // RPh.— 1974.— Vol. 48, 2.— P. 214; Л. Робер воздерживается от предположения Ф. Хазлака, что в надписи IGR. IV.148 упоминался «династ Котис III (VIII)» (*Hasluck F. Inscriptions from Cyzicus // JHS.— 1903.— Vol. 23.— P. 91, 92*).
- ²⁸ IGB I², 399.
- ²⁹ Kalinka E. Antike Denkmäler in Bulgarien. Wien.— 1960.— S. 142, 143; Сапрыкин С. Ю. Пифодорида — царица Фракии // ВДИ.— 1984.— № 2.— С. 146 сл.; Сапрыкин С. Ю. Из истории Понтийского царства Полемонидов // ВДИ.— 1993.— № 2.
- ³⁰ IGB II², 74.— Абриг (Разград); ср. также: IGBI², 378 — Атанасово-Бургас.
- ³¹ Iwanow T/ Die thrakisch-römischen politischen Beziehungen am Vorabend der römischen Herrschaft in Thrakien // SC. 1961.— Vol. 3.— P. 93.
- ³² Ср.: ILS I. 849; BCH, 1932.— Vol. 56.— P. 203; Иванов Т. Два надписа от античния град при Разград // Гавриил Кацаров.— Ч. II.— София, 1955.— С. 171.
- ³³ Dessau H. Op. cit.— P. 704; Sullivan R. Op. cit.— P. 205; Michailov G. Comment. ad IGB I².— 399.— P. 367, 368; Ср.: Tacheva M. Op. cit.— P. 412—417; Tacheva M. Corrigenda et addenda ad PIR III, 1898: R 40—42, 50—52; II², 1936; С 1552—1554; IV², 1966, J 517 pertinentia // Acta Centri Historiae TAB II.— 1987.— P. 210—213; Тачева М. История на българските земи в древността.— София, 1987.— С. 88, 90. Ср. также наши аргументы в поддержку старой точки зрения: Зубар В. М., Сапрыкин С. Ю. Рец.: Тачева М. История... // Археология, 1989.— № 4.— С. 139—141.
- ³⁴ *IOsPE* I², 4; Античная Тира...— С. 78.— № 1, 2.
- ³⁵ Зограф А. Н. Монеты Тире.— М., 1957.— С. 19, 20.
- ³⁶ Яйленко В. П. Полемон, царь Армении // Историко-филологический журнал.— Ереван, 1981.— № 1.— С. 168 сл.
- ³⁷ Златковская Т. Д. Мезия в I—II вв. н. э.— М., 1951.— С. 30, 31; Vulpe R., Barnea J. Din istoria Dobrogei: Romanii la Dunarea de Jos. Bucuresti, 1968.— P. 43—45.
- ³⁸ Cass. Dio LIV, 34; Ovid. Ex Ponto I, 8, 11; IV, 9, 75; Tac. Ann. II, 64, 65.
- ³⁹ Vell. Pat. II, 112, 4; Cass. Dio LV, 30, 3; 29, 3.
- ⁴⁰ Tac. Ann. I, 76; 80; ср.: Domasczewski A. Zur Geschichte der Römischer Provinzialverwaltung // RM, 1890.— Bd. XLV.— S. 1—4.
- ⁴¹ Д. Пиппиди указывает, что до 46 г. не могло быть и речи об использовании римлянами portorium Ripae Thraciae (системы налогообложения фракийского побережья) полностью в своих интересах, так как территория Добруджи и Малой Скифии от Диму до дельты Дуная контролировалась фракийскими царями сапейско-одрисской династии (см.: Златковская Т. Д. Указ. соч.— С. 37, 38; Pippidi D. Das Stadtgebiet von Histria in Römischer Zeit auf Grund der Horrothesia des Laberius Maximus // Dacia.— 1958.— Vol. 2 n. s.— P. 241; Stoian J. La città pontica di Tomis // Dacia, 1961.— Vol. 5 n. s.— P. 254).
- ⁴² ISM I. 66; Златковская Т. Д. Указ. соч.— С. 38; Parvan V. Histria IV.— P. 555, 709; Pippidi D. M. Contributii la istoria veche a Romaniei, ed. 2.— Bucuresti, 1967.— P. 376—382.
- ⁴³ Златковская Т. Д. Указ. соч.— С. 39; Parvan V. Dacia, 1924.— Vol. I.— P. 366; Vulpe R., Barnea J. Op. cit.— P. 54; Pippidi D. Comment. ad ISM I 66.— P. 187.
- ⁴⁴ Карышковский П. О., Клейман И. Б. Указ. соч.— С. 84; Pippidi D. Comment...— P. 187; Pippidi D. Contributii...— P. 376—382; Vulpe R. Studia Thracologica.— Bucuresti, 1976.— P. 135, 136.
- ⁴⁵ На это обстоятельство намекает Овидий, который адресует свое послание Котису (будущему царю Котису VIII (III), сыну Реметалка I, где просит его помочь безопасно прожить в ненавистном месте, т. е. в Томи, куда его сослали в 8 г., прямо указывая, что этот город находится в его стране (Ovid. Ex Ponto II, 9, 7—10).
- ⁴⁶ IGB I², 12.
- ⁴⁷ IGB I², 399.
- ⁴⁸ IGB I², 378.
- ⁴⁹ Parvan V. A propos du «basileus» Cotys de Callatis // Dacia, 1924.— Vol. I.— P. 363 suiv.
- ⁵⁰ Sauciuc-Saveanu T. Ariston, Aristons Sohn aus Kallatis // Dacia.— 1958.— Vol. 2 n. s.— P. 220—223.

⁵¹ Об этнических изменениях в Северо-Западном Причерноморье подробнее см.: Подосинов А. В. Овидий и Причерноморье. Опыт источниковедческого анализа поэтического текста // Древнейшие государства на территории СССР.— М., 1983.— С. 127 сл.

⁵² Диамант Э. И. Две серебряные монеты фракийских царей, найденные в Тире // Нумизматика античного Причерноморья.— К., 1982.— С. 114—117; Коцневский А. С. Несколько неизданных монет Тиря из частных собраний // Там же.— С. 120, 121; Карышковский П. О., Клейман И. Б. Указ. соч.— С. 88, 89.

⁵³ Фурманская А. И. Античный город Тира // Античный город.— М., 1963.— С. 47; Карышковский П. О. Из истории Тиря в I—II вв. н. э. // МАСП, 1971.— № 7.— С. 153 сл.

⁵⁴ Карышковский П. О., Клейман И. Б. Указ. соч.— С. 92.

⁵⁵ Карышковский П. О. О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья.— К., 1982.— С. 66-78; Карышковский П. О. Ольвия и Рим в I в. н. э. // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье.— К., 1982.— С. 20, 21.

⁵⁶ СР III, 1.— Р. 74, 109.

⁵⁷ Бикерман Э. Хронология древнего мира.— М., 1975.— С. 67, 68; подр. см.: Reinach T. Quelques eras pontiques // Histoire par les monnaies. P. 1902.— P. 149; Anderson J. G. Pontica // JHS, 1900.— Vol. 20.— P. 151—158.

⁵⁸ О дате похода см.: Зубар В. М. Про похід Плавтія Сильвана в Крим // Археологія, 1988.— № 63.— С. 21; о деятельности Плавтія Сильвана в Мезии см. СІЛ XIV, 3608; Vulpe R. La Valachie et la Basse-Moldavie sous les Romains // Dacia, 1961.— Vol. 5 n. s.— P. 367.

⁵⁹ ISM I, 68, стк. 30—35, 39—48; Pippidi D. Das Stadtgebiet...— S. 231; Pippidi D. Contribuții...— P. 288—305; Pippidi D. Comment... ad ISM I, 68.— P. 208.

⁶⁰ Симоненко А. В., Лобай Б. И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э.— К., 1991.— С. 86—88.

⁶¹ Щукин М. Б. Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья // СГЭ.— 1982.— Вып. 47.— С. 37.

⁶² IOsPE I², 38.

⁶³ Сапрыкин С. Ю. Кольвийской надписи IOsPE I², 38 // ВДИ.— 1988.— № 1.— С. 147—155.

⁶⁴ Введение в Тире новой эры не связывают с включением ее в провинцию Мезия ни Д. Пиппиди, ни Т. Д. Златковская, ни сам П. О. Карышковский (см.: Златковская Т. Д. Указ. соч.— С. 59; Карышковский П. О. Из истории Тиря.— С. 158; Pippidi D. Les villes de la cote ouest de le Mer Noire d'August a Diocletien // Vestigia, 1973.— Vol. 17.— P. 100, 101).

С. Ю. Сапрыкин

ТИРА ТА ФРАКІЙСЬКІ ЦАРІ

Статтю присвячено відновленню та аналізу грецького напису з Тіри, нанесеного на якусь ордерну споруду типу портика або екседри, зведену фракійським царем Реметалком II у Тірі на знак прихильності до нього мешканців міста.

Робиться висновок, що у першій половині I ст. Тіра намагалась увійти до сімахії з фракійськими сапейсько-одрійськими царями, щоб через їхнє посередництво зближитися з Римом. Це дозволяло місту зміцнити воєнно-політичне становище перед загрозою постійних вторгнень гето-даків, бастарнів, скіфів. Після ліквідації самостійного Фракійського царства у 46 р. Тіра опинилась під протекторатом проримськи настроєного царя сарматського племені аорсів Фарзоя, котрий виконував ті ж протекторські функції стосовно міста, які раніше здійснювали фракійські династи.

S. Yu. Saprykin

TYRAS AND THRACIAN TSARS

The paper is devoted to restoration and analysis of Greek inscription from Tyras which was put on a certain order building of the portico or exedra type erected by Rhoemetaces 2, the Thracian tsar, in Tyras symbolizing friendly moods of citizens to him. The author comes to the conclusion that in the first half of the 1 st cent. A. D. Tyras tried to establish a symmachia with the Thracian Sapean-Odryssic dynasties in order to come into contact with Rome. That permitted Tyras to consolidate its military and political position in the face of constant invasions of the Getians-Dakians, Bastharns and Scythians. After abolition of the independent Thracian kingdom in 46 A. D. Tyras appeared under protectorate of Pharzoi, the tsar of the Sarmatian tribe of the Aorces of the pro-Roman orientation. That tsar performed the same protectorate functions over Tyras which were previously performed by Thracian dynasts.